

А. В. АРХИПОВА

«ПОДРОСТОК» В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

«Подросток» — наименее прославленный из великих романов Достоевского — был как-то особенно, интимно близок Александру Блоку. В разные периоды своей жизни и творчества Блок каждый раз по-иному вчитывался в этот роман, воспринимая новые его аспекты. Но были в «Подростке» поставлены темы, всегда «созвучные» Блоку, хотя часто в решении их он не совпадал с Достоевским.

«Подросток» — роман о Петербурге, роман об отцах и детях, о распаде семьи, о русском дворянине-интеллигенте, утратившем связи со своей средой, своей семьей и своим народом, интеллигенте, мучительно переживающем утрату этих связей. И еще это роман о любви — роковой, неразумной, любви-«фатуме», как сказано у Достоевского, любви, переходящей в ненависть. Все это характерно и для блоковских размышлений, для его биографии и для его творчества. Разумеется, не «Подросток» только, а все творчество Достоевского было глубоко воспринято и по-своему интерпретировано во многих произведениях поэта. И может быть, «Хозяйка» и «Идиот», «Мальчик у Христа на елке», «Бесы» или «Дневник писателя» Блоком упоминались и цитировались чаще, чем «Подросток»; связи же с «Подростком» многих произведений Блока не лежат на поверхности.

И тем не менее мне представляется, что роман этот прошел через разные этапы творческого пути поэта, а многие вопросы, в нем поставленные, находили прямой отклик в его душе.

Можно предположить, что впервые Блок прочитал «Подростка» в 1902 г. Видимо, в этот период его затронул больше всего образ Аркадия. Упоминания о нем встречаются в летних письмах 1902 г. Сообщая о смерти деда и его похоронах, Блок пишет: «Однако уверяю Вас, что я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий) желание „трех жизней“ (это несмотря на видимую безжизненность и склонность к «панихидному» умозре-

нию)».¹ И снова о том же в письме от 23 июля 1902 г.: «Вы, до некоторой степени, невольно и себе же наперекор отказали мне в созерцании мира. Это именно так, ибо я ощущаю скорее нужду „ощутить“ „три жизни“ («Подросток»), чем провести одну в сплошном „созерцании“. От созерцаний душно. Ни одного „чувствования“ я не отдам за тьму „созерцаний“» (Блок, 8, 36). Блок чутко уловил в изломанном и ожесточенном характере Аркадия стихийное чувство «живой жизни», которое, по мысли Достоевского, помогло Подростку устоять против разнообразных искушений неправых путей, против умозрительных головных идей и выйти на верную дорогу служения людям. Может быть, молодой Блок и не формулировал так идеи «Подростка», но это ощущение естественной, полной жизни, противоположной умозрительности и мистицизму, ощущалось им вполне.

Другое, что привлекло его в этот период в «Подростке», — литературно-теоретические декларации Достоевского в романе. В письме отцу от 5 августа 1902 г. Блок, говоря о своих занятиях и устремлениях, о некотором наблюдаемом им самим в себе переломе, о «крутом <...> дорожном повороте», который, может быть, выведет его из «потемок» «недавнего мистицизма» «на свет божий», — отмечает особенность своего будущего творчества: «Вообще-то можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, по видимому, граничить с фантастическим («Подросток» Достоевского)» (Блок, 8, 40). И здесь же, говоря о себе как человеке, преимущественно созерцательном, а не действенном, Блок отмечает, что созерцание это представляется ему «не в первобытно-романтическом, а скорее в „реально-Достоевском“ стиле, в котором созерцание углубленно, а не порхает» (Блок, 8, 40—41).

Итак, Достоевский для Блока — писатель-реалист, вполне жизненный и заземленный, но в то же время настолько углубленно философский, что его прозрения, граничащие с фантастическим, могут быть восприняты как знание высшей правды. В каком-то смысле такой реализм Блок считает образцом для себя самого.

Разумеется, в «Подростке» запомнилось поэту и изображение Петербурга — самого фантастического города, который, может быть, «подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне» (13, 113).

¹ Блок А. Собр. соч. в 8 томах. М.—Л., 1960—1963, т. 8, с. 34. Дальнейшие ссылки на это издание — в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами. — У Достоевского Аркадий говорит: «Мне хоть три жизни дайте — мне и трех будет мало» (13, 61). Впечатление, которое эти слова произвели на молодого Блока, отмечено Г. Я. Галаган в комментарии к роману «Подросток» (см.: 17, 312).

Этот город-призрак, прошедший через все творчество Блока, многими нитями связан с Петербургом «Подростка». Тема эта достаточно освещена в нашей литературе, и я не буду специально рассматривать ее.²

Позднее, переживая тяжелый кризис после революции 1905 г., Блок все больше размышляет о судьбе русской интеллигенции, к которой и сам принадлежит, об ее оторванности от «живой жизни», от народа. И в это время уже по-новому воспринимает творчество Достоевского, в частности «Подростка». Теперь уже не только Аркадий с его наивной жадой «трех жизней» (тема эта, впрочем, не снимается в творчестве Блока) занимает поэта. Он все больше сосредотачивается на образе Версилова, хотя и не называет его нигде по имени. Связано это с размышлениями о России и месте русской интеллигенции в ее судьбе.

«Россия — путь. Поэт-путник — основная линия, определяющая от начала до конца отношение Блока к России», — справедливо заметил один из ранних исследователей поэта.³ Но ведь подобная мысль о скитальчестве и странничестве русского мыслящего интеллигента в поисках своей утраченной родины заключается и во многих произведениях Достоевского, а особенно ясно выражена в «Подростке» и Пушкинской речи.

Мне представляется, что отзвуки «Подростка» (не только Достоевского вообще, но именно этого романа) слышны в двух разных по жанру, но близких в некотором отношении произведениях: лирической статье «Безвременье» (1906) и драме «Песня судьбы» (1908). В «Безвременьи» не только упоминается Достоевский, но дается его характеристика и разбирается его рассказ «Мальчик у Христа на елке» (в сравнении с «Ангелочком» Леонида Андреева). И характеристика, данная Блоком Достоевскому, и интерпретация «святочного» рассказа привлекли внимание исследователей.⁴ Мне же хочется отметить, что на идеи и образы «Безвре-

² См.: Андиферов Н. Непостижимый город. — В кн.: Об Александре Блоке. Пб., 1921, с. 285—325; Иванов-Разумник. Петербург. — В кн.: Иванов-Разумник. Вершины. Пг., 1923, с. 165—167; Орлов Вл. Город Блока. — В кн.: Александр Блок. Город мой... Л., 1957, с. 5—48; Минц З. Г. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 220—225. — У Достоевского фантастичен не только Петербург, не только его «деловое», «прозаическое» утро, но и самая обыденная, пошлая обстановка. То, что Блок воспринял эту особенность изображения мира, который как бы двоился, у Достоевского, верно отметил Б. И. Соловьев (см.: Соловьев Б. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971, с. 260—262. Там же примеры из «Подростка»).

³ Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия. М.—Пг., 1923, с. 10. — Глубокий анализ темы пути в творчестве Блока дан Д. Е. Максимовым в статье «Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока» (см.: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 6—143).

⁴ См.: Минц З. Г. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и его время, с. 226—232.

меня» значительное воздействие оказал именно «Подросток». В этой статье возникает тема гибели семьи и семейного очага, устоев и традиций, бывшая не только темой творчества Блока, но и темой его личной жизни и жизни его близких, темой эпохи.⁵⁻⁶

Говоря о разложении современной семьи, о гибели прежних «устоев», Блок отмечает, что уже Достоевский «предчувствовал» это и, «затыкая уши, торопясь закрыться руками в ужасе от того, что можно услышать и увидеть» (*Блок*, 5, 66—67), все-таки видел и слышал разложение и гибель сложившихся идеалов и норм, наступление страшного «серого животного» — паука, олицетворяющего у него сладострастие и нравственное падение. Блок считает, что процесс, начало которого почувствовано Достоевским, теперь завершился вполне. «Что же делать? Что же делать? Нет больше домашнего очага. Небозримый, липкий паук поселился на месте святом и безмятежном, которое было символом Золотого Века. Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера — все закутано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на вьюжную площадь» (*Блок*, 5, 70).

Нельзя не вспомнить «Подростка», в котором впервые с такой отчетливостью и резкостью поставлена тема распада старой семьи и возникновения на месте ее «случайных семейств». Достоевский действительно отразил начало этого процесса, настолько еще не осознанного русским обществом и не воплотившегося в русской литературе, что критика упрекала романиста в отсутствии правды, нарушении норм, изображении больного и неестественного. Достоевский же совершенно осознанно изображал этот видимый пока немногим процесс разложения. «... все крики критиков, что я изображаю ненастоящую жизнь, не разубедили меня, — писал Достоевский в набросках к неосуществленному предисловию к «Подростку». — Нет оснований нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение, — и все прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало. И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне, нравственно. Талантливые писатели наши, высокохудожественно изображавшие жизнь средневысшего круга (семейного), — Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства, — по-моему, они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила. В этом убедятся будущие поколения, которые будут беспристрастнее; правда будет за мною» (16, 329).

Будущие поколения в лице Блока убедились в правоте великого романиста. Теперь и те дворянские семьи «средневысшего

⁵⁻⁶ См. об этом: Орлов В. Н. 1) История одной «дружбы-вражды»; 2) История одной любви. — В кн.: Орлов Вл. Пути и судьбы. М., 1971, с. 507—743.

круга», которые во времена Достоевского, будучи исключением, еще сохраняли «вид красивого порядка и красивого впечатления» (13, 453), окончательно утратили этот порядок. «Радость остыла; потухли очаги. <...> Двери открыты на вьюжную площадь» (Блок, 5, 76).

Посреди этого хаоса и разложения, ночной вьюги, охватившей города и всю городскую культуру, возникает у Блока образ человека, ищущего устоев и ценностей, и в поисках их бросившего город и начавшего странствия по Руси, по бесконечным русским дорогам, по сторонам которых нет уже дворянских усадеб (дома заколочены, вековые парки запущены), а есть лишь постоянные дворы да придорожные кабаки. З. Г. Минц отметила, что в «Безвременьи» «осмысление бродяг как странников <...> оказывается теснейшим образом связанным с творчеством Достоевского, в частности с образом странника-христианина Макара Долгорукого в «Подростке».⁷ Действительно, образ странника или «скитальца» очень существен в творчестве Достоевского. Но думается, что скитальцы-странники «Безвременья» связаны не с Макаром. «Скиталец» в «Подростке» — это прежде всего Версилов, вариация «несчастливого скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем» (XII, 378), о котором говорил Достоевский позднее в Пушкинской речи.

Странники «Безвременья» — это воспитанники разлагающейся городской культуры, люди одного круга с автором. Блок говорит вначале о них: «мы». «Но мы, дети своего века, боремся с этим головокружением. Какая-то дьявольская живучесть помогает нам гореть и не сгорать» (Блок, 5, 71). Это та самая живучесть, жажда жизни, которая характеризует не только Аркадия («желание трех жизней»), но и Версилова. «Меня ничем не разрушишь, — говорит он сыну, — ничем не истребишь и ничем не удивишь. Я живуч, как дворовая собака» (13, 171). Эта живучесть Версилова заставляет его скитаться, и хотя он остается чужд народу, сознание того, что правда в народе, ему присуще. Блоковские скитальцы тоже ищут, идут и не могут найти, путь их представляется кружением, движением безысходным, светлой цели впереди они не видят, им светит только голубой призрак ночной фиалки. Но и у Версилова есть впереди подобный призрак: его «идея» («Мы — носители идеи, мой милый! . . .» — 13, 374). Макару же Долгорукому не надо искать правду и пути к ней, ему известно и то и другое, и его странничество не есть скитальчество или движение по кругу.

Образ пути в «Безвременьи» тесно связан с темами гибели дворянской культуры, дворянской традиции и поисками какого-то выхода за ее пределы, в обращении к нищим просторам «тысяче-

⁷ Достоевский и его время, с. 229.

окой России» (Блок, 5, 74). Ни скиталец Версилов, ни бродяги «Безвременья» не нашли эту правду. У Блока здесь нет еще ощущения, что именно народ является ее носителем. Россия — заблудившаяся страна, ей нечего терять, и у нее ничего нет впереди, ее путь беспечен, «всю плоть свою она подарила миру и вот, свободно бросив руки на ветер, пустилась в пляс по всему своему беспечному, непридуманному раздолью» (там же). У Достоевского было иное представление о России, он всегда верил в ее высокое предназначение, залогом чего считал идеалы, будто бы хранимые в народе. К такому пониманию России подошел позднее и Блок. Определенным этапом на этом пути и явилась «Песня Судьбы».

Литературные источники этой драмы многообразны. З. Г. Минц добавляет еще один, убедительно сопоставляя «Песню Судьбы» с «Хозяйкою» Достоевского.⁸ Мне хочется добавить еще один источник. Герой драмы — «представительствующий, по замыслу Блока, русскую интеллигенцию»⁹ — носит имя Герман. Блок не случайно дает ему это германское (немецкое) имя. Герман — иностранец в своей земле, стремящийся узнать и понять Россию. Он из той же плеяды скитальцев, к которой, по Достоевскому, начиная с Онегина, принадлежали все мыслящие русские интеллигенты, в том числе и Версилов. Имя Герман имеет определенную традицию в русской литературе. В повести Пушкина это немец на русской службе, одержимый фантастической, хотя и вполне современной идеей. Глубокое осмысление пушкинского Германна как фигуры символической содержится в «Подростке». Это — «колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!» (13, 113). «Петербургский», с точки зрения Достоевского, — не народный, противопоставленный остальной России. В таком определении Германна подчеркивается его разрыв с русской почвой, отсюда и фантастичность его идеи, его «дикая мечта» — порождение «фантастического» Петербурга.¹⁰ Все это не мог не ощущать Блок, давая своему герою имя Германа. И следовательно, в поле его зрения в это время был «Подросток». Но «Песню Судьбы» объединяет с этим романом Достоевского, как мне кажется, еще один мотив. Герой-интеллигент оказывается как бы на распутье между двумя женщинами, двумя любовями. Одна из них — его жена Елена — любовь тихая, кроткая, безмятежная, женщина, любящая его вполне и бесконечно преданная ему. Другая — гордая и жестокая Фаина — любовь роковая, влекущая, подчиняющая

⁸ Достоевский и его время, с. 238—240.

⁹ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 90.

¹⁰ О толковании Достоевским «Пиковой дамы» в связи с трактовкой Петербурга см.: Иванов-Разумник. «Петербург». — В кн.: Иванов-Разумник. Вершины, Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923, с. 165—166.

себе без остатка, но приносящая вместе с тем глубочайшее горе и страдания. Фаина, в какой-то момент идущая навстречу герою, все-таки оставляет его во имя своей свободы и еще потому, что чувства ее и Германа не сливаются до конца. Не трудно увидеть здесь в измененном виде коллизию «Подростка»: метание Версилова между кроткой и самоотверженной Софьей Андреевной и влекущей его к себе, но и отталкивающей одновременно Екатериной Николаевной Ахмаковой, этим воплощением «живой жизни», ставшей для Версилова «фатумом», по собственному его выражению (см.: 13, 384).

Блоковский Герман, подобно Версиллову, бросает свой дом, свою семью и идет за Фаиной, потому что его позвала Судьба. Сближение с Фаиной — это и сближение с Россией, ее народной стихией, олицетворением которой и является в драме Фаина. Это приобщение к новым, неведомым ранее пластам жизни делает существование Германа наполненным и счастливым. Его

... душа, как степь,
Нескованная ни единой цепью,
Свободная от края и до края.
Не вынесла бы жалкая душа,
Привыкшая к домашнему уюту,
К теплу и свету очагов семейных,
Такой свободы и такого счастья.

(Блок, 4, 159).

Вновь возникает мотив жажды жизни: «Не надо чахлой жизни — трех мне мало!» — восклицает Герман, повторяя запавшее в память Блока выражение Аркадия Долгорукого. И хотя Фаина уходит от Германа, ему уже нет пути назад, в его камерный мир, изолированный от народной жизни. Он идет новым путем, открытым Фаиной и указанным Коробейником. И он выйдет на верную дорогу.

Версильов же никуда не выходит, он кончает душевной болезнью, означающей, по Достоевскому, распад личности. Разница судьбы этих во многом сходных героев определяется и разницей между эпохами Достоевского и Блока и разницей их субъективного понимания того, как соотносятся путь русского интеллигента «средневысшего друга» и путь народа. Очень существенно и еще одно отличие: у Достоевского носительницей народного начала, женщиной из народа является смиренная Софья Андреевна, «мама», у Блока — гордая и мятущаяся, вечно протестующая Фаина.

Разумеется, Фаина из «Песни Судьбы», как и лирическая героиня второй книги стихотворений Блока, меньше всего похожа на Ахмакову. Если и есть в ее образе влияние Достоевского (при том, что у нее есть черты и ее реального прототипа — Н. Н. Волоховой), то оно выходит за рамки «Подростка» (Настасья Филипповна, Грушенька и др.). С «Подростком» связано,

при всей автобиографичности этой темы, изображение любви как роковой и пагубной страсти, а отношения двух любящих как борьбы, поединка, их внутреннего противоборства, исключаящего полную слиянность, приходящую на смену вечному одиночеству (см., например, «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», «Она пришла с заката...» и большинство стихотворений «Снежной маски» и «Фаины»).¹¹

Герой же Блока, русский интеллигент, странствующий в поисках своей родины, жаждущий обрести ее и смутно чувствующий, что подлинная правда на стороне народа, — такой герой будет возникать время от времени в разных произведениях поэта.

Позднее, уже во время войны, создавая стихи, вошедшие потом в книгу «Родина» (1908—1916), Блок снова возвращается к этому образу, иногда в близкой Достоевскому ипостаси его. В облике России появятся черты кротости и смирения, сочетающиеся с твердостью, убежденностью и упорством.

Сложность образа Родины в лирике Блока, разумеется, не исчерпывается воздействием Достоевского, хотя воздействие это безусловно. Отмечалось, например, что стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно...» «восходит к общим представлениям Достоевского о сложности и противоречивости человеческого характера»,¹² отмечались и более конкретные источники его. Мне представляется, что образ «кающегося грешника», стоящего в центре этого стихотворения, вызывает ассоциации с трактовкой Достоевским образа Власа, а еще больше с изображением купца Скотобойникова в «Подростке» (см.: 13, 313—322).

Возникает в лирике Блока военных лет и мотив странничества в поисках родины, но теперь звучит иногда и тема обретения России. Герой вернулся на родину из дальних странствий по чужим землям.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли, —

пишет поэт в стихотворении «Я не предал белое знамя...» (Блок, 3, 277). Разумеется, и «чужая земля», и «ночные, роковые пути», уводящие от родины, — это внутренняя оторванность героя от своей почвы, родной земли, теперь обретенной в трудный для родины час. В написанном во время войны стихотворении «Рожденные в года глухие...» среди множества тем есть и «версильско-достоевская» тема царствия божьего, которое наступит на

¹¹ Об изображении любви в лирике Блока в связи с характерной для Достоевского темой любви-ненависти см.: Соловьев Б. И. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и русские писатели, с. 313—317.

¹² Достоевский и его время, с. 242.

земле, а нынче мучающиеся и страдающие поколения проложат к нему путь. «О, им суждены страшные муки прежде, чем достигнуть царствия божия» (13, 377).

Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

(Блок, 3, 278).

Идеи и образы «Подростка» сильнее всего сказались в наиболее сложном и многоплановом произведении Блока — в поэме «Возмездие». Разумеется, все, кто писал о поэме, касались и тем, связанных с Достоевским.¹³ Это прежде всего упоминание Достоевского как в окончательном тексте поэмы, так и в подготовительных материалах к ней, это изображение Петербурга как города призрачного и фантастического, это, наконец, и изображение дворянской семьи, один из членов которой вступает в брак с крестьянкой (планы поэмы), подобно Версиллову у Достоевского.

Думается, что параллели между «Возмездием» и «Подростком» можно продолжить. Тема разложения и гибели дворянской семьи и дворянской культуры (зазвучавшая уже в «Безвременьи»), как и тема отцов и детей, сложных их взаимоотношений и противоречий между ними — это темы и «Возмездия», и «Подростка». Блок как бы взялся писать поэму по тому «рецепту», который был предложен воспитателем Аркадия — Николаем Семеновичем — в Заключении «Подростка». В письме своем бывшему воспитаннику он, между прочим, говорил: «Если бы я был русским романистом и имел талант, то непременно брал бы героев моих из русского родового дворянства, потому что лишь в одном этом типе культурных русских людей возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, столь необходимого в романе для изящного воздействия на читателя. <...> Еще Пушкин наметил сюжеты будущих романов своих в „Преданьях русского семейства“, и поверьте, что тут действительно всё, что у нас было доселе красивого» (13, 453).

И в изображении героев «из русского родового дворянства», и в ориентации на «Евгения Онегина» Пушкина Блок, казалось бы, идет вслед пожеланиям Николая Семеновича. Но содержанием поэмы становится вовсе не красота и законченность культурного русского типа из «средневысшего круга», а его деградация, распад — распад, во-первых, среды и традиций, а во-вторых, отрывание от этих традиций, «от красивого типа» «с веселой торопливостью», как говорил Николай Семенович, «кусков и комков» — представителей современного Блоку поколения. Эта реализация в поэме, или по крайней мере в ее замысле, одной из основных тем «Подростка» снова, вслед за «Безвременьем» показывает, как

¹³ См. об этом в статье З. Г. Минц в кн.: Достоевский и его время, с. 243—247. См. также: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока, с. 137—138.

ценил Блок открытия и прозрения Достоевского в сфере семьи, отношений между разными поколениями одного и того же рода. Тема эта, разумеется, ни Достоевским, ни Блоком не ощущалась как тема камерная, интимная, но всегда как тема глубоко социальная, историческая и даже философская.

«Подросток», вероятно, так запал в душу Блока еще и потому, что сюжет его как-то накладывался на его собственную биографию, воспринимался «изнутри» и переосмыслился по-своему, а своя собственная биография проецировалась на роман. Как отметил Б. И. Соловьев по другому поводу, Достоевский «словно бы заранее предугадал — и в образах огромной силы и жизненности воплотил — то, что творилось в душе поэта, который мог бы сказать о себе словами самого Достоевского: „мне только приснилось, а уж он и сон отгадал“ («Бесы»)».¹⁴

Сюжет «Возмездия», как известно, во многом автобиографичен. Отношения героя и отца — это, часто вплоть до деталей, воспроизведение отношений поэта со своим отцом — Александром Львовичем Блоком. И в то же время они разительны напоминают отношения Аркадия Долгорукого с Версиловым. Отдельные места поэмы являются как бы стихотворной вариацией «Подростка».

Отец от первых лет сознанья
В душе ребенка оставляя
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.
(А думы глупые, младые...)
И только добрый льстивый взор,
Бывало упадал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор.

(Блок, 3, 336—337).

Блок не только воспроизводит внешние детали (распад семьи, жизнь отца и сына в разных городах), общие и для его биографии и для «Подростка», но и внутренние, психологические особенности характеров отца и сына: глупые юношеские мечты сына и холодный цинизм отца, внешняя отчужденность и внутренняя близость их, какое-то напускное холодное равнодушие отца к сыну,

¹⁴ Соловьев Б. И. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и русские писатели, с. 260.

прикрывающее любовь и тяготение к близости. Возможно, что рисуя так отношения своих героев, Блок опирался на психологический опыт романа Достоевского. В письма матери от 18 мая 1917 г., говоря о своей работе над «Возмездием», Блок сопоставляет поэму с «Ругом-Макарами» или «Карамазовыми». Однако несомненно и «Подросток» находился в это время в поле зрения поэта, так как в том же письме упоминается и этот роман (см.: Блок, 8, 493).

Характеристика отца, в которой подчеркивается его демоническое, романтическое начало (индивидуализм), восходит в то же время и к образам «русских скитальцев» Достоевского, самым ярким из которых является Версиров. Скитальчество, неприютность, одиночество подчеркивается в облике и судьбе отца.

Увидев его мертвым в гробу,

Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по миру судьбой...

(Блок, 3, 334—335).

В поэме Блока сын, видимо, как-то повторяет отцовскую участь: он тоже скиталец. И лишь третье поколение (вернее, четвертое, так как в поэме изображен и дед героя), ребенок, рожденный от крестьянки, изменит и судьбу рода, и судьбу страны. Но все-таки определяющим конфликтом «Возмездия» (в той части поэмы, которая была написана) является противоречие между сложившимся дворянским традиционным укладом, уже изжившим себя к концу XIX в., и предвестием ломки и мятежа, предвестием, воплотившимся в облике отпавшего, «оторвавшегося», говоря словами Достоевского, от этого уклада индивидуалиста и скитальца. А самый образ этого скитальца, порвавшего с традициями предков, но так и не сумевшего (или не пожелавшего) соединиться с народом, стал центральным образом поэмы.

Грядущая революция — это то возмездие, которое история несет представителям «средневысшего культурного слоя» за их непонимание народной правды и народной судьбы. «Юность — это возмездие», — утверждает Блок эпиграфом к поэме. Возмездие приходит в лице следующих поколений, порвавших с наследием отцов.

Менее обнаженно мысль эта звучит и в «Подростке». «Юность чиста уже потому, что она — юность» (13, 453). Автор утверждает право за своим героем, только вступающим в жизнь, судить своих отцов и выносить им беспощадный приговор, ибо за этим героем будущее, «ибо из подростков создаются поколения...» (13, 454).

Итак, образ русского интеллигента, условиями рождения и воспитания оказавшегося в ином, чем основная народная масса, лагере, чувствующего свое одиночество, ищущего и не могущего найти путей к народу, — образ, занимающий значительное место в творчестве Блока, создавался не без воздействия Достоевского.

И как мне кажется, не последнюю роль сыграл здесь Версиров. Во всяком случае, еще одна черта его — «всемирная отзывчивость», которую Достоевский так высоко ценил в русском человеке, свойственна и лирическому герою Блока. Как ни различны идейная направленность «Скифов» и «исповеди» Версирова,¹⁵ мысль о России — носительнице и провозвестнице идей объединения и братства — возникает у Блока скорее всего под воздействием подобных идей Достоевского.

«Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. О более! — говорил Версиров. — Нельзя более любить Россию, чем люблю ее я, но я никогда не упрекал себя за то, что Венеция, Рим, Париж, сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милей, чем Россия. О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим! У них теперь другие мысли и другие чувства, и они перестали дорожить старыми камнями... Там консерватор всего только борется за существование; да и петролейщик лезет лишь из-за права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли, и согласись, мой друг, знаменательный факт, что вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы!» (13, 377).

Сходные мысли выражены и в «Скифах». Россия — «щит» Европы, она жертвовала собой, оберегая «эти чудеса старого божьего мира», эти «парижские улицы», «венецьянские прохлады», «далекий аромат» «лимонных роц» и «Кельна дымные громады». Вся эта культура «внятна нам», мы, русские, «любим все».

И Россия Блока обращается к дряхлеющему миру европейской цивилизации с призывом к единению и братству.

Разумеется, революционная Россия Блока периода «Двенадцати» и «Скифов» — это не смиренная Россия Достоевского. Но в сложный и многогранный образ Родины у Блока вошло и представление о всеобъединяющей «русской идее», носителем и пропагандистом которой был русский европеец Версиров — герой романа «Подросток».

¹⁵ На это указала Э. Г. Минц (см.: Достоевский и его время, с. 247).